

В ИТАЛИИ мне представилась возможность сделать ксерокопии хранящихся в частном архиве писем из России графа Ю. П. Литты (принццо благодарности итальянским рюшам Н. Каучини и У. Перси). Первое письмо написано вскоре после приезда в Петербург в 1789 г., последнее — незадолго до смерти в 1839 г. В целом они составляют более тысячи страниц.

Граф Джулио Ренато Литта — Висконти Арезе был итальянцем и принадлежал к одной из самых родовитых семей Милана. Образование получил в религиозном колледже в Риме. Поставленный в рыцари Мальтийского ордена, служил на флоте, когда великий магистр, отвечая на просьбу Екатерины II прислать ей опытных морских офицеров, направил его в Россию. Отличившись в войне со Швецией, произведен в контр-адмиралы. По воцарении на престол Павла I Литта назначается полномочным министром Мальтийского ордена или русским дворяном, а после принятия императором звания великого магистра становится его наместником в ордене.

В 1798 г., получив освобождение от рыцарских обетов безбрачия и бедности, Литта женился на племяннице Потемкина Е. В. Энгельгардт, оставшейся вдовой после первого брака с графом Скавронским — последним потомком по мужской линии рода великого Екатерины I. Женитьба привнесла ему острое состояние и укрепила положение в обществе, в котором его, слагающегося эпикуризмом, отныне именуют на русский лад графом Юлием Помпеевичем.

В царствования Александра I и Николая I Литта — член Государственного совета, занимает видные должности при дворе, председательствует в комитете по строительству Исаакиевского собора, является руководителем или членом многих других комитетов, комиссий и благотворительных обществ.

Даже беглого взгляда на биографию Литты достаточно, чтобы представить, сколько интересных сведений о событиях полувекового периода российской истории, участником или свидетелем которых он был, может содержаться в его архивных материалах. Взять, к примеру, шифрованные письма к брату Лоренцо, папскому нунцию, относящиеся к тому времени, когда сам он склонял Павла I к принятию звания великого магистра Мальтийского ордена.

Но, видимо, права Анна Ахматова, считавшая, что «рукописи, дневники и письма начинают цениться, если там появляется магическое слово «Пушкин». Вот и я, прежде чем приступить к систематическому ознакомлению с корреспонденцией Литты, обращаюсь к его письмам середины 1830-х годов, в которых может появиться имя Пушкина.

П ОСЛЕ того как 31 декабря 1833 г. поэту было даровано звание камер-юнкера, обер-камергер Литта стал его начальником по придворной службе. В этом качестве он упоминается Пушкиным в письмах и дневнике. Известные случаи их общения были для поэта не из приятных. Тем более неожиданным выглядит веселый тон, в котором он об этом пишет.

17 апреля 1834 г. Пушкин сообщил Наталье Николаевне: «Третьего дня возвратился я из Царского Села в пять часов вечера, нашел на своем столе два билета на бал 29-го апреля и приглашение явиться на другой день к Литте; я догадался, что он собирается мыть мне голову за то, что я не был у обедни. В самом деле, в тот же вечер узнаю от забавливающего к мне Жуковского, что государь был недоволен отсутствием многих камер-геров и камер-юнкеров и что он велел нам это объявить. Литта во дворец толковал с большим жаром, говоря: Il y a un serpent dans les Messieurs de la Cour des règles fixes, des règles fixes < Однако ж для придворных кавалеров существуют определенные правила, определенные правила >. На что Нарышкин ему заметил: Vous vous trompez, c'est pour les demoiselles d'honneur < Вы ошибаетесь: это для фрейлин >».

Каламбур известного остролиста обер-гофмаршала К. А. Нарышкина, построенный на том, что по-французски «les règles» означает и «правила», и «регулы», обернул неприятный для Пушкина эпизод веселым анекдотом. В таком же духе он описал его в дневнике, добавив: «Однако ж я не поехал на головоломье, а написал изъяснение».

Без раздражения сказано у Пушкина и о другом аналогичном случае: «<...> сей час послал я к графу Литте изъяснение в том, что не могу быть на Петергофском празднике по причине болезни».

Кажется, поэт понимал, что Литта, устранив «головомытье», делал это по долгу службы. Но, похоже, ему нравились и по-итальянски горячий темперамент графа да и его независимый нрав. В одном из писем Литта с гордостью подчеркивал, что «никогда и ни при каких обстоятельствах не скрывал свой, быть может, слишком цельный характер, никогда не гнул перед кем бы то ни было, не умел ни обхаживать и прислуживать людям в фаворе, ни толкаться в приемных всемогущих фаворитов». То, что это не пустое бахвальство, подтверждает эпизод, благодаря которому имя Литты вошло и в творческую биографию Пушкина.

Осенью 1835 г. прошел слух, что граф Д. Н. Шереметев, владелец подмосковных усадеб Останкино и Кусково, петербургского Фонтанного дома, находясь в воронежском имении, тяжело заболел. Министр народного просвещения С. С. Уваров, пришедший Шереметеву через жену дальним родственником, рассчитывая на богатое наследство, поспешил опечаловать его имущество. Дело получило огласку. «Здесь было пронесся жли-

вый слух о смерти богача Шереметева, который в Воронеже, — писал П. А. Вяземский А. И. Тургеневу. — В Комитете министров кто-то сказал qu'il avait la fièvre scarlatine < что у него скарлатинная лихорадка >. Et vous, vous avez la fièvre de l'attente < А у вас, у вас лихорадка ожидания >, — сказал громогласным голосом своим Литта, оборотившись к Уварову, который один из наследников Шереметева. Уж прямо как из пушки выпалило».

Пушкин, вернувшийся тогда из Михайловского, услышав об убийственной реплике Литты, написал, отправляясь от нее, сатиру на Уварова, к которому имел свои счеты. Так родился стихотворение «На выздоровление Лукулла» и в нем строки: А между тем наследник твой, Как ворон, к мертвечине падкой, Бледнел и трясся над тобой, Знобим стянжана лихорадкой.

Когда стихотворение было опубликовано, все узнали его «героя», пользовавшегося благорасположением государя. Поэту пришлось объясняться. Сохранился черновик его письма, смысл которого сводился к тому, что сатира направлена не против какого-то лица, а явления — «гнусной жадности наследника». При этом автор «признавался», что «воспользовался поэтическим выражением, проскользнувшим на этот счет», подтверждая

Николай ПРОЖОГИН

Неизвестное свидетельство о дуэли Пушкина с Дантесом

тем самым связь стихотворения с репликой Литты.

Таковы три известных случая, связывающих Пушкина с Литтой. В действительности их было, конечно, много больше. По-видимому, они часто встречались и в царских дворцах, и на светских раутах. Но, наверное, этим их контакты и ограничивались.

О круге литературных интересов Литты дает представление его библиотека. Мечтая вернуться на старости лет на родину, он переслал в Италию большую часть своих книг — 39 ящиков. Сообщая об отправке, Литта писал племяннику, что у него не возникнет трудностей ни с таможенной, ни с цензурой, поскольку речь идет о «старых книгах авторов-классиков и литературе, которая имеется во всех книжных магазинах Милана», то есть произведениях античных авторов на латыни и современных, в основном, очевидно, французских писателей.

Слишком тщательно выведенные кириллицей слова, вкрапленные в письма на французском языке, при отсутствии мягкого знака, и на бумаге словно звучат с иностранным акцентом, выдавая слабое владение русским языком. Вряд ли Литта был способен судить о творчестве русских писателей. Поэтому его суждения о Пушкине должны были касаться скорее придворного, нежели поэта. К тому же письма, в которых они могли обнаружиться, адресованы Ю. П. Самойловой, светской знакомой Пушкина.

Г РАФИНА Юлия Павловна Самойлова, урожденная графиня Пален, известна по великолепным портретам Карла Брюллова. Первый по времени, на котором она изображена со своей воспитанницей Джованниной и служгой-арапчиком, находится за границей, но неоднократно у нас воспроизводился. Автор монографии о Брюллове Э. Апаркина рассказывала мне, что в 1960-е годы Третьяковской галерее предлагали его купить и даже привозили в Москву из Парижа. Но, как почти всегда, денег на искусство у нас не хватало. В начале 1992 г. этот портрет промелькнул в телевизионном репортаже о частной коллекции русской живописи под Вашингтоном, в США. Другой портрет, запечатлевший Самойлову в маскарадном костюме с приемной дочерью Амацилей Пачина, принадлежит Русскому музею. Обе ее воспитанницы изображены на популярной брюлловской картине «Всадница» из Третьяковской галереи.

Письма Литты позволяют уточнить год рождения Самойловой. Поздравляя ее с днем рождения, он писал, что в 1900 г. ей исполнится 99 лет. Следовательно, она родилась в 1801 г., а не в 1803-м, как указывается в справочниках. Ошибиться Литта не мог. «Я присутствовал при вашем рождении, я лелеял ваше детство», — писал он. Ее родители — дочь жены Литты от первого брака М. П. Скавронская и П. П. Пален, сын главы заговорщиков, убийцы Павла I, — вскоре после рождения девочки разошлись, и она выросла в семье бабушки. Общих детей у супругов Литта не было, и граф Юлий Помпеевич привязался к ней, как к родной. Когда в 1829 г. он овдовел, дак него, давно оторванного от итальянской родни, она осталась единственно близким человеком. Письма к ней, подписанные «ваш Папа и Друг Жюль Литта», полны нежности и заботы о ее здоровье. Правда, он же утверждал, что «русские специально заболевают, чтобы сбежать за границу».

Брат Юлии Павловны тоже был неудачником. Если поздравление, посланное Пушкиным в 1826 г. графу Н. А. Самойлову, связано, как полагают, со слухами о его примирении с женой, то оно оказалось преждевременным. Вскоре графиня уехала за границу и поселилась в Милане — главном городе Ломбардии, входившей в состав Австрийской империи.

В летописях миланской жизни первой половины прошлого века слышавшая красавицей Самойлова оставила по себе память, впрочем, не всегда для нее лестную. Патристически настроенная часть итальянского общества не могла простить ей провастрийских симпатий, а заодно экстравагантных поступков и любвеобильия, из которого она не делала большого секрета. Посетивший ее в Милане Жуковский записал в дневнике: «Портрет хозяйки между Наполеоном и

точка в дуэльной истории. 1 апреля по старому стилю Геккерен вместе с женой Дантеса должны были навсегда покинуть Петербург».

В начале письма Литта благодарит дорогую Жюлю за поздравление с днем его ангела и рождения. Их письма разминувшись, и он тоже, еще раз, поздравляет ее с днем рождения (Самойлова родилась 25 марта). Да, как я и подозревал, по крайней мере одного письма в подборке не хватает. Тут же выясняется, что утрачено несколько писем. «Вы подтверждаете, — пишет Литта, — получение моего письма от 12/24 февраля, но ничего не говорите о предыдущем от 6-го по ст. стилю». А ведь, наверное, он писал ей и в январе.

Перевертываю еще один лист и вдруг вижу «магическое слово»! Почти на трех страницах Литта рассказывает о дуэли Пушкина с Дантесом, дает характеристику непосредственно причастным к ней лицам. Чтобы передать эпистолярный стиль автора, сохраняю в переводе особенности его написания имен собственных, пунктуацию и частое употребление прописных букв.

«Вы просите у меня подробности о событии и о смерти Пушкина, о чем я упустил сообщить вам в моих письмах: это мерзкая и скандальная история в жанре самых безнравственных

кающегося Магдалиною. Я это заметил; ответ: A présent seulement Magdalina... mais repentante — cela vient plus tard < В настоящее время только Магдалина (так), а кающаяся — это приходит позже >». К Самойловой можно отнести сказанное Пушкиным об А. Ф. Зарвской: С своей пылающей душой, С своими бурными страстями, О жены Севера, мек вами Она является порой И мимо всех условий света Стремится до утраты сил, Как баззаконная комета В кругу расчисленного светила.

В 1830-х годах Самойлова бывала в России лишь наездами. Но она живо интересовалась петербургскими новостями, и Литта регулярно сообщал ей о них. В его письмах начиная с 1835 г. постоянно встречаются имена Тодтшты и Голицыных, Долгоруковых и Нарышкиных, Елены Заводовской и Зинаиды Волконской, Бенкендорфа и Нессельроде, многих других лиц, которые теперь (могли ли они это себе представить!) интересны прежде всего тем, что принадлежали к окружению Пушкина. Немало в письмах и любопытных деталей о пушкинском Петербурге. Так, посылая «Панораму Невского проспекта» Садовникова, на которой, как известно, изображен среди гуляющих и Пушкин, Литта обращает внимание Самойлову на две кареты. Одна, принадлежавшая ему, ожидает, когда он выйдет из католической церкви, другая — ее, стоит у магазина мадам Снхлер: «каждый из нас на своем месте». Но Пушкин в письмах 1835 г. не упоминается.

Д ВЕНАДЦАТЬ писем 1836 г., все подробные, на многих страницах. Уже в начале года светские гостиные наполнились жужжанием о настойчивом ухаживании Дантеса за Натальей Николаевной Пушкиной, а к концу его события в семье поэта стали в них едва ли не главной сенсацией. Но и в последнем письме года, помеченном 25 декабря, Литта ни словом об этом не обмолвился.

Следующее письмо датировано по старому и новому стилю 10/22 марта 1837 г. Дата настораживала. Никогда еще в его переписке с Самойловой не было столь длительного перерыва. Неужели январские и февральские письма утеряны, а с ними и неизвестное свидетельство современника о дуэли Пушкина с Дантесом? Во всяком случае, в этом письме о ней не говорится.

Казалось, продолжать поиск было бесполезно. Впрочем, в правом верхнем углу очередного письма стоит дата 31 марта/12 апреля 1837 г. На следующий день ставилась последняя

Романов наших дней, достойная пера Виктора Гюго; ни один из многих актеров, которые в ней замешаны, не играет красивой роли. Вы помните, быть может, некоего Г-на д'Антесса, принятого офицером в Кавалергарды, молодого фата, дерзкого поведения, довольно дурно воспитанного; Г-н Геккерен, голландский Министр, приоткрыл его у себя, объявив его своим наследником, дав ему свое имя; полагали, что он был его Сыном, или Сыном его Сестры, но в любом случае, зачем так спешить с оглашением подобного скандала? и предпринимать довольно одиозный для всех своих Родственников шаг?; если действительно он был таковым. Новый молодой Барон Геккерен ухаживал за красавицей Мадам Пушкиной, Женой Поэта; этот, очень влюбленный в свою собственность, характера, естественно, буйного, пламенного и ревнивого, сверх того — резкого, доведенный до крайности мерзкими анонимными письмами, которые были ему адресованы и распространены в большом числе в Городе, и которые выставляли его на посмешище, и по существу почти неизбежно зачисляли его в Общество Мужей, хотел получить сатисфакцию с оружием в руках. Этот первый Акт был улажен, сглажен заявлением молодого человека, что он был влюблен не в Жену, а в ее Сестру, к тому же довольно некрасивую, которая жила вместе с Нею, и что он был расположен жениться на ней: Муж < согласился? — одно слово иррз. >, но дом Поэта, хотя и ставшего Своим, был ему закрыт. Неизвестно, для чего была нужна такая большая Жертва, освященная Церковью, в свете того, что за нею последовало в дальнейшем; состоялась Дуэль с секундантами; Поэт был смертельно ранен из пистолета, от чего он умер и похоронен; Вдова в отчаянии с 4 Детями уехала и живет уединившись в Деревне; герой приключен, убийца Своим, судим, лишены своих воинских званий и прав Дворянства, разжалован в Солдаты и по помилованию изгнан со Службы и выпровожен за пределы Границ; старый Геккерен со всем своим остроумием, злого языка которого так боялись, и во всем расчетливый, потерял все; подозреваемый в том, что довольно причастен ко всему этому, и даже к этим мерзким анонимным письмам, которые Бог знает что утверждали, лишенный из благопристойности, и надолго, Общества, он должен был просить о своем отзыве, он уезжает на

этих днях; так он потерял свое Имя, свое столь почетное помещенное наследство, свой пост Министра, жалование, свое Положение, и ему, подвергаемому повсюду общественному презрению, остается в утешение лишь соприкосновение довольно некрасивой, и современной, Жены молодого изгнанного, отвергнутого. Достаточно того, что я сказал вам об этом».

На первый взгляд перед нами лишь вариант официальной версии о дуэли. В этом качестве он нуждается в небольших уточнениях.

Говоря о «мерзких анонимных письмах», зачислявших поэта, по деликатному определению Литты, в «Общество Мужей», он пишет, что они были «распространены в большом числе». Пушкин считал, что их было семь или восемь. Современной пушкинистике известно о семи экземплярах пасквильного диплома. Один Пушкин получил по городской почте. Два были переданы ему нераспечатанными от друзей, полагавших, что они доставлены им по ошибке. Четыре других из лучших побуждений оставлены при себе получившими их адресатами. Широко известно о пасквиле стало после дуэли.

О том, что Литта называет «помилованном» Дантеса. Комиссия военного суда на основании действовавшего для участников поединков смертного казнь, вынесла «сентенцию», приговорив Дантеса к повешению. В представленном императору докладе предлагалось, лишив поручика Геккерена-Дантеса «чинов и приобретенного им российского дворянского достоинства, написать в рядовые, с определением на службу по назначению инспекторского департамента». Николай I повелел: «Быть по сему, но рядового Геккерена как не русского подданного выслать с жандармом за границу, отобраз офицерские патенты».

Что касается Геккерена-старшего, то считалось, что, покидая Россию, он уезжал в бессрочный отпуск. Николай I не дал ему прощальной аудиенции, но послал табакерку с бриллиантами — подарок, полагавшийся по протоколу окончательно оставившему пост главы дипломатической миссии. В сложившейся ситуации это означало, что император не желает видеть его впредь при своем дворе.

К АК БОЛЬШИНСТВО современных, в том числе друзей поэта, Литта не видел глубинных причин трагедии. Для него, человека религиозного, ревностного католика, разыгравшиеся вокруг Пушкина события были похожи на те «безнравственные» истории, которые описывались в модных французских романах. Кстати, литературные ассоциации возникли не только у него. Еще по поводу обручения Дантеса с Екатериной Гончаровой графиня С. А. Бобринская писала мужу: «Этот Жюль Жанен, это Бальзак, это Виктор Гюго. Это литература наших дней. Это возвышенно и смехотворно».

И все же близкий официальный версия рассказ Литты представляет значительный интерес. Он заключается в личном отношении автора письма к событиям и особенно в характеристиках причастных к ним лиц. В отличие от многих представителей высшего общества, считавших, что Дантес вел себя как благородный рыцарь, у Литты, принадлежавшего в молодости к рыцарскому ордену, иное представление о рыцарстве. Его мнение о Дантесе сложилось задолго до дуэльных событий, если Самойловой, приезжавшей в Петербург в 1835 г., Дантес должен был запомниться дурно воспитанным, заносчивым фатом. Давней неприязню дышит и отзыв Литты о Геккерене как расчетливом, но проигравшемся интригане. Его он подозревает во всех мерзостях, вплоть до причастности к анонимным письмам.

Но особый интерес вызывает отношение Литты к Пушкину. Ничто, конечно, не говорит о том, что слова о некрасивой роли всех участников дуэльной истории не относятся им и к Пушкину. Очевидно, его несдержанность в преддуэльный период, умышленно оскорбительный тон письма к Геккерену, послужившего непосредственным поводом к роковой дуэли, не отвечали представлениям Литты о светском человеке. И тем не менее сочувствие Литты на стороне Пушкина как жертвы развязанной против него интриги. Ключевыми в этом плане являются слова: «доведенный до крайности мерзкими анонимными письмами». Да и черты характера Пушкина, которые Литте не должны импортировать, он находит «естественными» для поэта.

В искренности Литты сомневаться не приходится. В частном письме незачем кривить душой. К тому же мы видели подтверждение прямоты его характера. Разумеется, одно письмо не дает оснований для далеко идущих выводов. Но оно может послужить еще одним аргументом против чрезмерной социологизации пушкинской темы, под влиянием которой в последние десятилетия складывалось впечатление о дворе Николая I как поголовном скопище злобствующих недругов поэта.

СПРАВА: Н. Ди Серракаприола. Портрет Ю. П. Литты. Акварель. Сорренто, частное собрание. Публикуется впервые. СЛЕВА: Э. Визи. Портрет Ю. П. Самойловой. Литография. Милан, муниципальное собрание печатной графики Бергарелли.